

Глава первая

Клятва вслепую

Волчонок понял, что заклятие удалось, когда лапы обожгло холодом. Он вывалил язык, тяжело дыша, и огляделся: всё вокруг было белым-бело. Так вот он какой, настоящий снег! Немного похожий на лебяжий пух, только искрящийся на солнце так, что аж глазам больно. А когда наступашь — хрустящий, как свежая хлебная корка...

Волчонок вырос в Дивьем царстве, в краю вечного лета, и никогда раньше не видел зимы собственными глазами, только на рисунках. Ночами ему часто снился снег, хотелось попробовать его на вкус — почему-то думалось, что тот окажется сладким, как сахар.

Взрослые смеялись над волчком и его детскими мечтами, и только отец всегда говорил: мол, мал ты ещё, ничего не понимаешь. Вот подрастёшь, вся придурь вмиг пройдёт. Но книги заклинаний на всякий случай прятал: знал, что сын у него упрямый, весь в отца — если вобьёт себе что-нибудь в голову, ни ласками, ни уговорами, ни плетями не выбьешь. И всё равно недооценил его упорство. Волчонок тайную книгу нашёл и потихоньку утащил в свои покои, а отцу под подушку сунул другую — с похожей обложкой. Он не сомневался, что подмену вскоре обнаружат, но надеялся успеть вернуться домой раньше, чем это случится. Прежде волчонок редко осмеливался идти против воли отца, но заветная мечта стоила того, чтобы за неё побороться.

Теперь лапы ныли от пронизывающего холода, а порывистый ветер грубо трепал его белую шерсть. Он наклонил

морду и, млея от восторга, лизнул снег. На языке осталась одна вода — не просто безвкусная, а даже с небольшой горчинкой. Волчонок не поверил своим ощущениям и снова лизнул. Комочки снега налипли на нос, от этого очень хотелось чихать. Не сдержавшись, волчонок тоненько заскулил от обиды. Зелёные, похожие на человечьи, глаза наполнились слезами. Он так надеялся попасть в настоящую сказку, а вместо этого продрог, промок и вдобавок наелся какой-то дряни... Давняя мечта обернулась разочарованием.

От жаркого дыхания усы и шерсть на морде покрылись инеем. Чихнув, волчонок ударил лапой оземь, чтобы вернуться домой, но, увы, ничего не произошло.

Дурное предчувствие кольнуло сердце. Он снова топнул по снежному насту, но тот лишь издевательски хрустнул: ход не открывался, заклятию что-то мешало.

И тут волчонку впервые стало страшно. Впервые он оказался в чужом недобром краю, Навьем княжестве, совсем один. И хоть был ещё юн, но ясно понимал: если дорога не откроется, ничем хорошим это не кончится.

Навьим княжеством правит Кощей по прозвищу Бесмертный, который издавна враждовал с отцом волчонка — царём Ратибором. Стоит только попасться на глаза Кошеевым прихвостням, и пиши пропало — те сразу поймут, с кем имеют дело. Не так-то много в мире белых волчат-оборотней с зелёными глазами...

Вдалеке на краю поля виднелись чёрные стволы деревьев, и Волчонок затрусил туда: всё лучше, чем стоять и ждать, пока за ним придут. Навьи колдуны уже наверняка заметили вторжение — может, это они и отрезали путь назад.

На снегу за волчонком оставалась такая чёткая цепочка следов, что впору было завывать от тоски и безысходности. Он прекрасно умел прятаться в летнем лесу, но зимний был совсем другим. Наверное, до сих пор беглеца спасала только

его белая шкурка. Ах, каким же беспечным он был! И зачем только взял эту треклятую книгу...

Волчонок уже почти добрался до деревьев, как вдруг уткнулся носом в невидимую стену. Тихо взвизгнув, он с опаской отпрыгнул в сторону, потому что воздух перед ним вдруг заискрился, расступаясь в стороны, будто полупрозрачная кисейная завеса. Похоже, его приглашали в гости — и он вошёл.

Бам! Завеса хлопнула за спиной, словно дверь от сквозняка. Волчонок вздрогнул и обернулся — перед ним была высокая каменная стена. Попался!

Сердце сжалось и ушло в пятки. Он не сразу понял, что под лапами больше нет снега, только мягкая трава. На ещё недавно голых деревьях зеленела листва. И это был вовсе не лес, а чудесный яблоневый сад. Не такой, как в Дивьем царстве (дома на деревьях росли золотые плоды и хрустальные листья), а прекрасный сад из мира смертных.

В землях смертных Волчонок никогда не бывал, поэтому удивился: попасть туда можно было только через вязовое дупло, а никак не пройдя сквозь зачарованную стену. Но, по крайней мере, ему больше не грозила смерть от холода — иней на морде вмиг растаял.

Стоило Волчонку немного отогреться и перестать дрожать, как живот тут же подвело. Он поискал на земле яблоки, но не нашёл ни одного: похоже, эти деревья плодоносили не круглый год, если вообще когда-нибудь плодоносили.

Оглядываясь и стараясь ступать бесшумно, он обошёл весь сад (тот оказался совсем маленьким) и убедился, что тут нет ни калитки, ни ворот: неприступная стена возвышалась со всех сторон. Волчонок попробовал вырыть подкоп, но лишь обломал когти о твёрдую сухую землю. Судя по завыванию ветра и пышным снежным шапкам на башенках, там, за стеной, всюду бушевала метель. Родной дом казался таким далёким, что хотелось скулить и кататься по земле, но он сдерживался — а вдруг услышат? Тут ведь наверняка

кто-нибудь живёт. И надо же: как в воду глядел — до его ушей вдруг донеслось тихое девичье пение:

«Не для нас нынче встало солнышко, долго тянутся дни ненастные. Если выпить печаль до доньшка, никогда мы не будем счастливы. Мёд горчит, и роса полынная выпадает на травы сочные — я родные края покинула, я навек обвенчалась с горечью».

Пробуксовав лапами по траве, волчонок нырнул в кусты белоягодника, с опаской высунул из листвы самый кончик мокрого чёрного носа — и вдруг увидел красавицу с каштановой косой до колен и очень грустными синими глазами. У неё были точёные черты лица, дугой изогнутые брови и бледная, будто бы фарфоровая кожа. Уши оказались не заострёнными, как у всех, кого знал волчонок, а совсем маленькими, аккуратными, со скруглёнными кончиками. Похоже, певунья была не из дивных людей и не из навьих, а из того странного народа, что живёт по ту сторону вязового дупла.

Волчонок прежде никогда не видел смертных и был сражён наповал удивительной красотой девицы. Ему захотелось выбежать навстречу, виляя хвостом, чтобы та запустила пальцы в его шерсть, почесала за ухом, — и он не без труда сдержался, продолжая украдкой разглядывать незнакомку.

Одёжка на ней была ладная, сшитая по последней навьей моде: шёлковые шаровары цвета ранней зари, шитый золотом парчовый халат, отороченный мехом и подвязанный кушаком. Бледные запястья обвивали звенящие браслеты, а тонкую шею украшало ожерелье, сделанное словно из застывших капель росы. В общем, видно было, что живёт девица в неге и достатке. Почему же она тогда такая грустная?

Красавица подошла ближе, и волчонок на всякий случай припал к земле. Маленькие сафьяновые туфельки с загнутыми носами замерли прямо возле его морды. Девушка перестала петь и, кашлянув, прошептала:

— А ну, вылезай! Я тебя прекрасно вижу, малыш.

Волчонок высунул голову, на всякий случай прижимая уши.

— Не бойся, не обижу, — улыбнулась девушка, показав ряд ровных белоснежных зубов. — А вот другие могут, ежели увидят. Я Василиса. А ты кто такой?

Волчонок вздохнул, вылез на садовую дорожку, отряхнулся от листьев и, ударившись оземь, обернулся белобрысым мальчишкой. Всё же в человечесем облике разговаривать намного удобнее.

— Царевич Радосвет я. — Он вытер нос рукавом вышитой льняной рубахи. — Из Дивьего царства.

— Да я уж вижу, что не из Навьего, — усмехнулась Василиса. — Здесь золотоволосых мальцов днём с огнём не сыщешь. Ох и влип ты, царевич. Коль увидит тебя Кощей — не миновать беды. Тебе годков-то сколько? Двенадцать?

— Тридцать восемь, — буркнул Волчонок, одёргивая зелёную курточку. — Нешто ты не знаешь, что дивьи люди взрослеют медленнее, чем смертные?

— Мне по-нашему считать привычнее. Ну, а теперь выкладывай: зачем пожаловал? Подсматривал за мной?

— Нет! Я так... в общем... — Радосвет на мгновение задумался, соврать или правду сказать, но всё-таки решил быть честным до конца. — Я на зиму-зимушку взглянуть хотел. Вот только заклятие меня сюда забросило, а обратно не вывело. Не знаю почему — вроде же всё правильно сделал...

Василиса покачала головой и сплела руки на груди; её многочисленные браслеты тихонько звякнули.

— Конечно, не вывело! Ты же в Кощейевы земли попал, а наш правитель страсть как не любит, когда чужаки суют нос в его дела. Твердит, мол, повсюду шпионы-лазутчики — хотят тайны выведать, огнегривые табуны свести, волшебные диковины украсть. Уж признайся: небось, тоже хотел в сокровищницу пробраться?

Царевич надул губы:

— Сдались мне ваши диковины! У моего бати у самого их тьма-тьмуца. Я всего лишь снег попробовать хотел.

— Попробовать?! — Чётко очерченные брови Василисы от удивления взметнулись вверх, алые губы приоткрылись.

— Ну да. Я думал, он сладкий.

Девушка рассмеялась в голос. Впору было обидеться ещё больше, но Радосвет не сумел: её смех оказался таким заразительным, что губы сами расплылись в ответной улыбке.

— А ты сама-то чьих будешь?

Он не мог перестать разглядывать смертную: не зря всё-таки говорят — чудной они народ. Вряд ли Василиса была старше сестрицы Ясинки — той по осени как раз пятьдесят годков стукнуло, как раз в самый невестин возраст вошла. А держалась так, будто совсем уже взрослая.

— Из Дивнозёрья я. Слыхал, небось, о таком?

Глупые вопросы она задавала! Кто же из дивных людей не слышал о Дивнозёрье — чудесном мире смертных, где на небе светят чужие звёзды, странные рогатые животные дают вкуснящее молоко, а жизни людей похожи на искры от костра — горят недолго, но такие яркие, что впору позавидовать. А ещё у них, говорят, бывают и лето, и зима, и ещё весна и осень: сезоны сменяют друг друга в извечном круговороте. Такие вот чудеса, не то что здесь!

— Слышать-то слыхал, а вот бывать не доводилось. — Юный царевич повесил нос и вдруг выдал наболевшее: то, что больше всего иссушало его сердце. — Меня батя никуда не отпускает и даже в соседний лес на охоту не берёт. Сижу во дворце с мамками и няньками, будто маленький.

— Ох, понимаю... — Василиса присела на корточки и положила руку ему на плечо, отчего Радосвет залился краской. — Я тоже нигде не бываю, кроме этого сада да своей башни.

— Зря. Там же снаружи зима! Настоящая! Говорят, можно играть в снежки, лепить снеговиков, кататься на санках. Ты когда-нибудь каталась на санках?

— Конечно. — Взгляд синих, как васильки, глаз затуманился, на губах появилась мечтательная улыбка. — У папеньки был мерин в яблоках. Серком звали. И вот каждую зиму мы запрягали Серка в сани и разъезжали по деревне. Колокольчик звенел под дугой, а мы песенки пели, колядовали. Нам за то соседи гостинцев давали: сладких пирогов да леденчиков. Ух и весело было! Жаль, больше этому не бывать...

Её лицо помрачнело, и царевичу вдруг стало не по себе.

— Почему же?! — с жаром выпалил он. — Да не грусти ты. Айда со мной?!

— Отсюда нельзя выйти, мальш. Это моя тюрьма. И твоя теперь тоже, если я не придумаю, как тебя вызволить.

Радосвет хоть и был в человеческом обличье, но в тот же миг нутром почуял Василисину неизбежную тоску и едва не взвыл по-волчьи. Тюрьма? Что же натворила эта красавица, если её пришлось посадить в башню?

— Ты... — Он не желал оскорбить Василису, но слова сами прыгнули на язык. — Злая ведьма? Али лиходейка какая?

— Я Кошцеева невеста. Хотя... теперь уже, наверное, жена.

— Фу-у! — Радосвет аж скривился. — Он же старый. И страшный: кожа да кости. Зачем ты за него вышла?

— Он забрал меня из отчего дома и унёс сюда. Эта башня и сад нужны для того, чтобы я не сбежала, понимаешь? — Глаза Василисы заблестели, и царевич с удивлением понял, что ещё немного, и сам расплачется.

Сглотнув слёзы, он приложил руку к груди:

— Я тебя спасу! Клянусь жизнью!

— Вырасти сначала, герой! — Василиса игриво щёлкнула его по носу.

Радосвет тутупился: эти слова задели его за живое. Ну почему все считают его ребёнком? Сколько можно? Он уже давно не маленький! Рассказывают, царь Ратибор в этом возрасте уже ходил со сворой на медведя. Может, он и не

такой сильный, как отец, но зато в колдовстве поднаторел. Даже мамки и няньки говорили: малец не воином растёт, а чародеем. Их бы слова да наставникам в уши...

— А я клянусь! — повторил царевич, упрямо поджимая губы.

Василиса набрала воздуха, явно собираясь возразить, но вдруг осеклась. Может, решила, что и без того достаточно задела его гордость. А может, подумала — почему бы и нет? Ведь дети растут быстро — даже дивьи.

В следующий миг Радосвет понял, почему Василиса промолчала. По садовой дорожке прямо в их сторону шагал парнишка лет пятидесяти (это сколько же на человеческий счёт будет? пятнадцать?), худой, если не сказать тощий, зато высокий, с каштановыми (точь-в-точь такими же, как у Василисы) взъерошенными волосами, собранными в небольшой хвостик. Одет он был тоже по-навъему: в синие шаровары и атласный жилет на голое тело — даже без меха. В его лице, особенно в глазах, было что-то лисье, и царевич ничуть не удивился бы, если бы выяснилось, что парень умеет превращаться в лисицу, как он сам — в волка. Дивий царский род побратался с волками в стародавние времена, почему бы, в самом деле, другой семье было не побрататься с лисами?

— Мама, а кто это? — нахмурился парнишка с карими лисьими глазами. Его голос был негромким и вкрадчивым, но довольно мелодичным, как у придворного певца Бояна, что издавна служил царю Ратибору, прославляя того на всех пиршествах.

— Наш гость, — уклончиво ответила Василиса, а Радосвет вдруг почувствовал, что ноги подкашиваются, и ухватился за куст белоягодника, чтобы не упасть.

— Погоди! Мама?! Он назвал тебя мамой? Я не ослышался?

Василиса, вздохнув, кивнула, а лохматый парень протянул царевичу узкую ладонь:

— Будем знакомы: Лютогор, Кощеев сын. Но лучше зови меня Лис. А как твоё имя?

— Радосвет, сын Ратибора. — Царевич ответил излишне крепким рукопожатием, но Лютогор даже не поморщился, только с удивлением присвистнул:

— Ну, дела... То-то отец обрадуется!

— Мы ему ничего не скажем. — Василиса приложила палец к губам, и её сын недовольно дёрнул плечом:

— Пф! Мы не скажем, так змейки разболтают. А то ты не знаешь! Они же обо всём ему докладывают.

— Я разогнала змей, если ты не заметил. И вообще, пойдём в башню, выпьем чайку и подумаем, как нам лучше поступить.

Лютогор покосился на Радосвета с явной неприязнью, но спорить не стал, только буркнул:

— Добрая ты слишком, матушка. Оттого всякий раз и страдаешь.

Они поднялись в башню по каменной винтовой лестнице и оказались в богато обставленных покоях. Похоже, Кощей не жалел для своей жены ничего: тут был и столик с позолоченными ножками, и вышитые шёлком подушки для сидения, и чудесная мозаика на стенах. Повсюду стояли шкафы с колдовскими книгами — у царевича разбежались глаза, так много их было. На софе, накрытой парчовым покрывалом, лежала лютня, а на столе стояли блюда с фруктами: яблоки, виноград и дыню Радосвет узнал, а остальное видел впервые.

— Попробуй, это вкусно. — Василиса протянула ему нечто оранжевое и круглое. Он взял угощение, протёр рукавом и попробовал надкусить яркий бок.

— Кожуруними сначала! — рассмеялся Лютогор и тоже зашарил рукой по блюду, выискивая плод покрупнее. — Это же мандарин, умник.

— Без тебя знаю! — соврал Радосвет: ему совсем не хотелось выглядеть неучем в глазах Василисы.

Царевич никак не мог взять в толк: как у такой молодой красавицы вдруг оказался сын старше его самого? И ещё — почему это так его задевает?

Молчаливая черноволосяя и черноглазая служанка из навьего народа разлила густой чай по пиалам и добавила туда немного масла, чем вызвала недоумение Радосвета:

— Эй! Разве чай пьют с маслом?

— А разве его пьют без масла? — фыркнул Лютогор, отхлёбывая из пиалы.

Он отправил в рот несколько сушёных абрикосов и насмешливо глянул на царевича. Тот счёл за лучшее проигнорировать этот взгляд.

— Спасибо, — кивнул Радосвет служанке, но та ничего не ответила.

— А у неё языка нет, — охотно пояснил Кощеев сын. — Вырезали.

— За что? — ахнул царевич, едва не выронив пиалу из рук.

Лютогор нервно пожал плечами:

— Не знаю. Наверное, болтала много. Можно подумывать, отцу нужен веский повод... И вообще она мёртвая.

Царевич охнул, а Лютогор задрал нос, явно радуясь произведённому впечатлению. Василиса сплела руки под подбородком, пряча невольную улыбку. Она не притронулась ни к чаю, ни к яствам. Дождалась, пока служанка уйдёт, и только потом тихо заговорила:

— Сынок, мне нужна твоя помощь.

— М-м-м? — промычал тот, набивая рот абрикосами.

— Мы должны отправить царевича Радосвета домой, пока Кощей не нашёл его. Ты можешь это сделать, а я — нет.

— Допустим, могу. — Лютогор развалился на подушках, явно чувствуя себя хозяином положения. — Вот только не знаю, хочу ли... Папаня с меня три шкуры сдерёт, если узнает.

— Да вы только покажите, куда идти, а я уж как-нибудь справлюсь. — Радосвету вдруг стало стыдно. Он только сейчас понял, что опасность грозит не ему одному: у госте-

приимных хозяев тоже могут быть проблемы. Ему вовсе не хотелось доставлять неудобства Василисе.

— Ты не дойдёшь. — Лютогор улыбнулся так, будто эта мысль доставляла ему радость. — Вмиг сцапают. В отцовой спальне есть волшебное зеркало — через него он узнаёт, что в мире творится. Коли мы сможем заставить его показать нам окрестности Дивьего царства и ты узнаешь какое-нибудь место, я попробую тебя туда отправить. Как только пойму, зачем мне рисковать головой из-за какого-то заблудившегося заморыша. Чем ты можешь быть мне полезен?

Василиса нахмурилась. Слова сына явно пришлись ей не по душе.

— Не тому я тебя учила... — вздохнула она.

— Помню, помню: люди должны помогать друг другу. Но я человек только на одну половину. А на другую — навий княжич. И мы, между прочим, с Дивьим царством на ножах.

— Хорош наследничек! — усмехнулся, не удержавшись, Радосвет. — Папка-то у тебя бессмертный. Так что ты вряд ли когда-нибудь унаследуешь трон.

— Так я и не хочу, — хмыкнул Лютогор. — Мне этот кривой стул из костяшек даром не сдался! Только задницу себе отсиживать. Но статус, понимаешь ли, обязывает думать о стране. И о последствиях.

Он почесал в затылке, и Радосвет впервые заметил, что у Кощеева сына уши хоть и заострённые, но всё же не совсем такие, как у дивьего и навьего народа. Одно слово — полукровка.

Браки со смертными (как, впрочем, и сами смертные) были большой редкостью. Считалось, что дети от смешанных союзов всегда рождаются с каким-нибудь изъяном: физическим или душевным. Порой слишком жестокие, со взрывным характером, иногда и вовсе сумасшедшие — сло-

вом, одни проблемы от них. И Лютогор всецело оправдывал сомнительную репутацию полукровок: по крайней мере, Радосвету сейчас очень хотелось его стукнуть. Он сдерживался лишь потому, что, похоже, другого способа попасть домой у него не было.

— Этот мальчик обещал помочь мне. — Василиса потянулась, чтобы потрепать сына по волосам, но тот, нахмурившись, увернулся из-под руки.

— И ты поверила?

— Он дал клятву.

Лютогор впервые глянул на царевича с интересом и снова присвистнул:

— Да ну?! И как же ты её собираешься исполнить, герой?

— Не знаю, — пожал плечами Радосвет. — Что-нибудь придумаю. Если Кощей Бессмертный похитил твою мать и удерживает против воли, как я могу оставаться в стороне? Меня учили защищать тех, кто попал в беду. Особенно если это дело рук твоего отца. Ведь он — наш главный враг.

Лютогор многозначительно глянул на мать и допил чай одним мощным глотком.

— Мам, а ты не хочешь ему рассказать, как всё было на самом деле?

— Зачем? — опустила взгляд Василиса. — Клятва уже дана.

Царевич ударил кулаком в грудь:

— И я от неё не отступлюсь! Так что если хочешь, чтобы твоя матушка стала свободной, тебе придётся сначала выпустить меня.

Лютогор закатил глаза:

— Ох уж эти дивьи! В каждой бочке затычка. Посмотрим, как ты запоёшь, когда узнаешь, что Кощей её не крал. Она, между прочим, сама пошла!

— Это правда? — Радосвет перевёл взгляд на Василису, и та, смахнув слезинку, кивнула:

— Мне пришлось. Я не хотела, но...

— Лягнула слово, — закончил за мать Лютогор. — Почти как ты.

Царевич на него даже не взглянул, по-прежнему не сводя глаз с Василисы, растерзавшей край своего пояса до не красивой бахромы.

— Что ж, — он вцепился пальцами в свою пиалу, из которой так и не осмелился сделать ни глотка, — выходит, ты обманула меня?

— Не сказала всей правды. Это не одно и то же.

— И вынудила меня поклясться?

— Неправда! Ты сам так решил. — Её голос становился всё тише, а щеки — всё краснее.

— Если честно, я лучше умру, чем помогу недостойному человеку. — Радосвет по-волчьи почесал себя за ухом (никак не мог избавиться от этой привычки — особенно когда нервничал) и тихо, но веско добавил: — Думаю, теперь тебе придётся рассказать мне всё. А потом я решу, что делать.

Глава вторая

Сватовство Кощея

Плохо быть средней дочерью. Даже в сказках всё самое лучшее вечно достаётся младшенькому любимому детищу. Ну или старшему — по праву первородства. А среднее дитя ни то ни сё: отрезанный ломоть, пятое колесо у телеги.

Вот Василиса и была это самое «ни то ни сё».

Старшая сестрица, Злата, лицом хоть и не вышла, зато умна была не по годам. С малолетства отцу в лавке помогала, даже когда сама, пигалица, ещё до прилавка не дотягивалась и ей табурет приходилось подставлять. Младшая, Даринка, писаной красавицей уродилась: брови вразлёт, глаза синие, как июльское небо, кожа блее снега и каштановые косы аж в руку толщиной. А Василиса так середнячком и вышла: ни умная, ни глупая и нрава самого обычного — ни весёлого, ни хмурого, да ещё и внешность как у серой мышки, нечем полюбоваться. Глаза блёклые, косица худая, сама тощая — метлой перешибёшь. Не была бы дочкой лавочника, всеми уважаемого человека, никто бы на неё и внимания не обратил.

Впрочем, даже те немногие парни, что предлагали ей прогуляться вдоль по улице или попеть песен под гармонь, вскоре начинали звать на посиделки уже не Василису, а одну из её сестёр: либо Злату Премудрую, либо Дарину Прекрасную — так прозывали девочек в Дивнозёрье. А у Василисы даже прозвища не было: Васька и Васька. Одно слово — мышь.